

К этимологии наименования разновидностей жилища в монгольских языках

Монгольское жилище с точки зрения рассмотрения этимологии названий его разновидностей представляет собой большой интерес. Лексикографические издания по современным монгольским языкам фиксируют следующие наименования разновидностей жилища:

1. Позднеев 117 банаг “тангутская четырехугольная палатка”, Рамстедт 33 бап^р “черная тангутская войлочная юрта”, ОА 79 бапāk (Т.,О.) “юрта для хранения продуктов, а также товаров”, Г. Рамстедт возводит к китайско-тангутскому слову ранка, ср. тиб. sbranag .

2. Калм. деглэ “юрта, кибитка (без дымового отверстия)”, Позднеев 216 дегеле “лачуга, юрта без дымника”, Рамстедт 85 deglɛ ger “юрта без кольца на крыше (хагаṯšl), шалаш”, Голстунский 690 калм. degele “лачуга (юрта без верхнего отверстия)” < *dege,leʃ, -le- аффикс со значением предмета, на который направлено действие, -ge- аффикс побудительности “то, что делается скоро”, см. Рамстедт 85 degl – “делать скоро”, ср. также бур. дэгжэ - < dege, ʃl - , -ʃl – аффикс становления, “расти, развиваться; увеличиваться”, калм. дэгж- “1) подниматься, взлетать; 2) всходить (о небесных светилах)”.

3. Калм. жолм “жоломейка (без решетчатых стенок), юрта из жердей и кошмы”, Позднеев 305 жолом “верхняя часть юрты без решеток, воздвигаемая в виде шалаша”, Рамстедт 114-115 džolm “юрта из unʹn и dēwr (ставятся шесты, поддерживающие крышу и войлок на крыше во время передвижений, напр. при переходах, переездах); плохая юрта”, монг. жолом “жоломейка, юрта из жердей и кошмы без решетчатых стенок “хана”. Г. Рамстедт 114-115 совершенно справедливо считал рассматриваемую лексему заимствованием из тюркских языков, а именно из киргизского: жолум (или жолум үй) “джуламейка (небольшая юрта без кереге (деревянной решетки цилиндрической части юрты), которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов”, в основе которой лежит сема “дорога” (жол < *jol), т.е. жолум үй дословно значит “мой дорожный дом”. В свою очередь данное слово проникло в русский язык, ср. русск. жоламей, жоламейка. См. СИГТЯ 502.

4. Калм. мээхн “палатка; шатер”, Позднеев 228 майихан “полотняная палатка”, Рамстедт 259 māxᠦᠨ “дорожная кибитка, палатка (из белого или синего полотна)”, монг. майхан “палатка; шатер”, бур. майхан “шатер, палатка” < mai, qan, -qan- аффикс уменьшительности. Г. Рамстедт 259 неуверенно предполагал в данном случае заимствование из китайского языка, однако ср. бур. майла < *mai,la, -la- аффикс со значением предмета, на который направлено действие, “1) прогалина, 2) солнцепек; 3) южная сторона сопки”, ОА 615 mā (Д᠔., Дᠵ., Т., О., У., Ва., Kho.) май “дымный костер, который складывается из аргала”, п.-монг. mai. Т.Е. номинация рассматриваемого слова могла быть связана с понятием тепла, но при этом относительного, поскольку обозначаемая ею реалья связана с обстоятельствами временного характера, палатка или шатер раскладывались тогда, когда возникала необходимость, вероятно, в краткосрочной остановке. Таким образом, *mai, qan можно отнести к числу тех реалий, которые имеют исконно монгольское происхождение. О заимствовании в тюркские языки из монгольских языков в алт., тел., тув., тоф. см. В. Рассадин МБЗ 21-28, СИГТЯ 500. О монгольских и тунгусо-маньчжурских лексемах см. М. Рясянен 322.

5. Позднеев 30 обохой “палатка, устраиваемая из одной верхней части крыши, без тэрмэ”, Рамстедт 291 owāxā “плохая конусообразная кибитка”, монг. овоохой “лачуга, хижина”, Голстунский 226 обохой “шалаш, палатка, юрта (без унин и решеток)” < *oba, ya, qai, - qai – аффикс со значением качества, приобретенного в результате действия, - ya – аффикс побудительности, < *obaᠢ – “возвышаться, иметь форму кучи”, см. калм. ова-, бур. обой – “1) выдаваться над чем – либо, возвышаться; 2) иметь форму кучи”, монг. овой – “становиться выпуклым, выпучиваться, выдаваться кверху; иметь форму кучи”.

6. Калм. ергэ “1) палатка; ставка, юрта (высокопоставленного лица); 2) дворец”, Позднеев 43 өргүү “главная юрта, княжеская юрта, дворец”, Рамстедт 299 öрге “двор, дворец (князя), дом (в вежливой учтивой речи)”, монг. өргөө “палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица”, бур. үргее “палата, чертог; 2) дворец, резиденция (монарха или главы духовенства)”, Голстунский 339 öрге “ставка; дворец”, öргеде, örgüde id., Лес-синг 641 örgüde(n), öргеде(n), өргүде(n) “резиденция или палатка принца; дворец хана или знатной персоны” < * öрге, геп, - геп – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, < *öрге – “поднимать вверх; возносить, возвышать”, ср. Позднеев 43 өргү – “поднимать вверх; возносить, возвы-

шать”, монг. ергэ – “1) поднимать вверх; 2) возносить, возвышать, возводить кого – либо; 3) приносить в дар, преподносить; приносить в жертву”, бур. үргэ – “1) поднимать (вверх); 2) приносить жертву, совершать жертвоприношение”, п.-монг. ergü- id. ЭСТЯ 1974, 546 – 547, СИГТЯ 502 отмечают генетическую связь монг. *örge – с тюрк. *ö:r – “подниматься”, ср. тур. ög – “возводить или поправить стену”, ср. также ДТС 388 örgi – “воздвигать (памятник Мокун – гуру – 8в.)”, örgin “трон; ставка правителя (памятник Мокун – гуру – 8в., “Гадательная книга” орхон–енисейским письмом; манихейский текст уйгурским письмом)”, örgün “трон, престол, возвышение (уйгурское письмо – 10в.)”, öri “возвышенный, совершенный (уйгурское письмо из турфанской коллекции)”, 391 örüki “находящийся сверху (гадательная книжка уйгурским письмом беглым почерком)”, 389 örki “1. находящийся сверху, занимающий высокое положение (гадательная книжка уйг. пис. бегл. почерком); 2. сверх, и (в составе сложных числительных) (легенда о демоне уйгурским письмом)”, örklä – “взнуздывать, привязывать (Махмуд Кашгарский – 11в.)”, örküç “волна, вал (МК – 11в.)”, örküç “таган, треножник (МК – 11в.)”, örküç, örgüç “коса, заплетенные волосы (МК – 11в.)”, örlä – “подниматься (Qutadyu bilig – 11в.; фрагмент восьми буддийских легенд уйгурским письмом)”, 390 ögü “сверху, вверх (Qutadyu bilig – 11в.; отрывок христианского содержания уйгурским письмом)”. Древнетюркские формы, главным образом, отражая древнеуйгурское письмо, указывают не только на свое монгольское происхождение, но и фиксируют некоторые утраченные формы прамонгольского, которые, безусловно, присутствовали в современных им монгольских диалектах, но уже не регистрируются в лексикографических изданиях по современным для сегодняшнего дня монгольским языкам. Данное обстоятельство может косвенным образом свидетельствовать только о том, что древнетюркские формы отражают язык гуннов, жужаней, сяньбийцев, возможно и киданей, как представителей монгольских племен, бесследно исчезнувших в истории вечности до создания Монгольской империи Чингис-хана. Следовательно, можно предположить, что создатели Монгольской империи периода Чингис-хана представляли собой окраинные монгольские племена, что подтверждает история ойратов (предков нынешних калмыков), живших накануне указанной эры в истории монголов несколько в стороне от всего монгольского массива того времени. Таким образом, данный исторический факт может подтверждать только одно: именно древние уйгуры

позаимствовали свое письмо у одного из монгольских племен, или нескольких, но не наоборот. Древнеуйгурские формы, не фиксирующиеся в других тюркских языках, генетически тесно переплетают монг. **örge* – < **e(i)*, *ge(i)*, *ge(i)-*, *i* – пограничный маркер, встречавшийся, вероятно, в языке древнего человека на стыках морфем – понятий в слове, - *ge(i)* – аффикс побудительности, *ge(i)-* аффикс становления, < * *e(i)*, “поднимать вверх; возносить, возвышать” с монг. *e*, *ge*, *kei* “большой палец”, - *kei* – аффикс со значением качества, приобретенного в результате действия, -*ge-* аффикс становления, < * *e*, с монг. * *e*, *ge*, *ke(i)* “право, полномочие; власть”, ср. еще Тодаева 270 эрх I “право, полномочие; власть” хорч., архорч., бар., шгол., уцаб., чах. эрх, п.-монг. *erke*, эрх II “избалованный, своенравный, капризный” хорч., джал., дурб., горл., шгол., уцаб., чах. эрх, п.-монг. *erke*, эрх III “четки” хорч., архорч., бар., шигол., уцаб., чах. эрх < *e* “утверждение чего-либо в чем-либо в пространстве и во времени”, ср. калм. *e* < **ej* “утвердительная частица да”, ОА 289 еуї (Дб., Дž., Т., ö., U., Ba., Kho.) эе “мир, согласие, дружба”, п.-монг. *eue*, ОА 299 епё (Дб., Ba., Kho.), ині (Дž., Т., ö., U., Ba., Kho.), ене (Ba.) энэ “это, этот, сей, данный”, п.-монг. *eue* < * *ej*, *ne(i)*, - *ne(i)* – аффикс со значением процесса действия, < * *ej* – “утверждать что-либо в чем-либо в пространстве и во времени”. Монг. *örge* - < * *e(i)*, *ge(i)*, *ge(i)*, в данном случае начальный гласный накануне его перехода в лабиализованный ряд, очевидно, сопровождал пограничный маркер. Представленные лексемы объединяет одно и то же понятие, связанное с утверждением чего-либо в чем-либо в пространстве и во времени. Возможно, значения “поднимать вверх; возносить, возвышать” возникли из значений 3) в монг. *өргө* – и “приносить жертву, совершать жертвоприношение”. Т.е. само действие жертвоприношения всегда сопровождалось, вероятно, действием рук, взмывающих вверх. При этом, очевидно, в самих руках, держащих что-то при их поднятии вверх, содержался смысл ритуального действия, предопределивший появление формы монг. **örge* - < **eri,ge* – в обозначенных значениях, см. монг. *өргө* -, бур. *үргэ* -. Отмечающиеся параллели в тюркских языках: кирг. *өрге* “свадебная юрта, юрта для новобрачных; чистая юрта”, хак. *өрге* “юрта героя; дворец, замок”, алт. *өрге*, шор. *өрге* “дворец, храм”, тув. *өрге* “богатая юрта, шатер; дворец”, турк. диал. *өрүг* “одинокая юрта, устанавливаемая на высоком месте во время тоя”, чаг. *örgä* “возвышение, крутое место, возвышенность, на которой ставится деревянный остов юрты” ЭСТЯ

1974, 546 – 547, В. Рассадин МБЗ 23, 36, 42, 44, 65, 69, М. Ряснен 374, СИГТЯ 501 – 502 правомерно относят к монголизмам.

7. Калм. уурц “хижина, лачуга”, Позднеев 46 уурца “лачуга, шалаш из жердей”, Рамстедт 451 – 452 *urtsʙ* “хижина, палатка без дымохода, т.е. только со столбами, поддерживающими только крышу, которая наверху перекрещивается”, монг. урц “1) чум, вигвам, хижина; 2) балаган”, бур. урса “конусообразный шалаш; чум” < **urj̄.ɕa*, - *ɕa* – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, < **ürj̄* – “дуть против (о ветре)”, см. монг. ури – “разг. дуть против (о ветре)”; урдааса урих “дуть с юга (о ветре)”, ср. также бур. ур: ур тээ (тээ – “сторона”) “впереди чего – либо; до чего - либо”, т.е. **urj̄.ɕa* изначально содержало понятие “место, где можно скрыться от ветра”. Г. Рамстедт 452 приводит параллель из якутского языка: *ugasa*, которую М. Ряснен 515, В. Рассадин МБЗ 69, 83 относят к числу монголизмов в данном языке, N. Porpe VGAS 80 данный ряд, включая еще эвен. *ugan* “чум, шалаш, крытый корой”, считает прародственным, что, безусловно, неправомечно. Возникновение данной номинации в строго обозначенной реалии могло возникнуть только в том районе Центральной Азии, где беспрестанно дуют ветры разных направлений; в очевидности это была степь.

8. Калм. харш “дворец”, Позднеев 89 харши “дворец”, Рамстедт 170 *harši* “тронный зал; дворец”; *harši ordʙ* “ханский дворец”, монг. харш “дворец”, бур. харша “1) плаха (бревно, обтесанное в виде доски); доска (колотая); 2) забор (из плах); 3) парн. с ордо (н) “дворец”, Лессинг 490 *harsi* “дворец; дворцовый зал” < **qarsi*. Г. Рамстедт 239 приводит параллель из уйг. и чаг. *qaršy* “дворец”, предполагая в данном случае заимствование из тюркских языков, в которых оно в свою очередь относится к заимствованиям из тахарского Б, кучанского языка, см. K. Menges TLP 171. См. также СИГТЯ 495 – 496. Ср. ДТС 429 *qarši* “дворец (Махмуд Кашгарский – 11в.; Qutadyu bilig – 11в.)”. Вероятно, в основе рассматриваемой лексемы лежит звукоподражательная основа: см. ДТС 429 *qars*: *qars qars* “изобр. звукоподражание хлопками СМК - 116”. Однако **qarsi* > *qarši* тем не менее представляет собой монголизм, см. особенно бур. значения проникший в тюркские языки в значении понятия как “место, где хлопают в ладоши, т.е. повелевают”, см. значение “тронный зал”, приводимое Г. Рамстедтом. Доказательством в пользу данного предположения является фонетическое оформление

рассматриваемой лексемы, а именно конца слова: в прамонгольском *s* в позиции перед *i* дает переход *š*. С учетом древнетюркских форм можно утверждать, что перелом гласного *i* в монгольских языках протекал намного раньше, чем это принято считать в монголистике относящей этот период ко времени 13-14 вв. Судя по всему, данный процесс, как характерная линия развития фонетической системы монгольских языков, протекал достаточно неравномерно, и в разные периоды времени, поскольку в современных монгольских языках переход *si* > *ši* регистрировался еще 15 – 16 вв.; возможно, данное обстоятельство также очерчивает носителей современных монгольских языков как окраинных племен былого монгольского массива.

9. Калм. хош “вторая юрта (при главной)”, Позднеев 92 хош “второстепенная юрта при главной, не имеющая огневища; временная походная юрта”, Рамstedт 189 хош “дорожная юрта, временно разбитая палатка или юрта; летняя кухня, кухня; дом для рабочих; лагерь” < *qo, š < qo, si – si < ši – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, в других лексикографических изданиях по современным монгольским языкам монгольских языках данная лексема не регистрируется. Но ср. Оа 438 хоša (Дд., Д. з., Т.,ö, И., Иф., Лho.), хош Рамstedт 189 приводит к рассматриваемому слову следующие параллели: чаг. qoš “стоянка каравана”, кирг. qoš “походная юрта”, ср. также турк. кош., кбал., кош “полевой стан, кош”, кум. кош, тат. куш “шалаш”, ног., ккал. кос “временная юрта, шалаш, палатка”, каз. кос “маленькая походная временная юрта”, кирг. кош “1) временная юрта (маленькая юрта, в которой временно живут рабочие), или юрта, используемая во время дальних перекочевок или (раньше) во время походов; 2. кош, кочевой лагерь; кочевка со всем ее преимуществом”. Основное значение в рассматриваемом слове “вторая юрта (при главной); второстепенная юрта при главной, не имеющая огневища”, которое в последующем дало рефлекс “временная походная юрта”, отсюда значение “лагерь; стан”. Значение “летняя кухня, кухня” есть следствие конкретизации основного значения. *qoš генетически тесно переплетено со следующим рядом: монг. хос “пара”, хосло – “сочетать, соединять попарно” < *qo,s – s – аффикс со значением результата действия *qo,s,la – , - la – аффикс применения, < *qo, основа-понятие, выражающая понятие числительного два, см. монг. *qo|,r, - | – пограничный маркер, - r – аффикс со значением результата действия < *qo, ср. монг. хожим < *qo,ji,m, - ji – аффикс становления, - m – аффикс со значением

меры совершения действия, “потом, впоследствии, после”, ср. также монг. хоймор < *qо,᠊, mar, - ᠊ – пограничный маркер, - mar – аффикс со значением качества, характеризующее данный предмет как способный совершить данное действие и как пригодный для совершения над ним данного действия, “красный угол в юрте, почетная сторона юрты (противоположная двери сторона)”, вероятно, в контексте четности как понятия жизнь, монг. хойт < qо,᠊,ta, - ᠊ – пограничный маркер, - ta < - tai – аффикс со значением обладания тем, что выражается основой, “1) северный; 2) задний; 3) следующий, будущий, грядущий; последующий, второй”, хойтхи < qо,᠊,ta,ki, - ki – аффикс со значением нахождения в том, что обозначается основой; “1) кто-либо находящееся позади; 3) анат. послед”, хойм < qо,᠊,si, - si – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, “1) на север, к северу; 2) назад; 3) после; 4) на родину, домой, к своим; 5) союз раз, разве что”, хол < *qо,᠊,la, - la – аффикс со значением абстрактного понятия действия, который для древнего человека был достаточно конкретным, “1. даль; 2. 1) далеко, далеко; 2) употребляется для выражения превосходной степени гораздо, несравненно, значительно; 3) далекий, дальний”. Монг. хоймор в перечисленном ряду представляется ключевым, содержащееся в нем значение указывает на их абсолютную взаимозависимость на пути вычленения значения понятия *qо. У монгольских народов до сегодняшнего дня сохраняется принцип ставить юрту (кибитку) с выходом по направлению к югу, т.е. двери юрты всегда расположены на южной стороне, в отличие от тюрков, где двери юрты располагались по направлению к востоку. Если учитывать понятие тепла, которое в своем концентрированном выражении всегда сопрягается с югом, то можно предположить, что исторически засвидетельствованная обитель монголов в Центральной Азии с ее резко континентальным климатом и характерными ветрами, дующими в разных направлениях, не была их исконным местожительством, т.е. монголы не являются автохтонными жителями Центральной Азии. И указанный принцип мог быть связан с воспоминанием, передававшимся через поколения, о прежней, исконной родине, которая могла располагаться исключительно в той точке земли, где всегда было тепло. Ср. монг. хойгуур < *qо,᠊,᠊, ya,᠊, - ya – аффикс побудительности, - ᠊ – аффикс со значением места совершения действия, “1) севернее; на севере; 2) сзади, позади; 3) в счет. обозначает отсутствие кого – чего – либо; та нарыг байхгүй хойгуур “когда вы отсутствовали; когда

вас не было здесь”, ср. бур. урда хойгуурни “впереди и сзади меня”. Возможно, значения 1), 2) и 3) с приведенной цитацией представляют ничто иное как констатацию пережитого предыдущими поколениями “ледникового” периода в истории древнего человека, но уже вернувшегося к прежней своей обители. В связи с этим можно предположить, что “ледниковый” период начинался с Антарктики, что подтверждает следующая лексема – понятие: монг. хойногдох “1) быть севернее, чем нужно, быть далеко на севере; 2) быть слишком далеко, сзади”, которое характеризует древнего человека как следопыта, зорко всматривавшегося в природный катаклизм того времени, неожиданное повсеместное похолодание, но с сохранением восприятия погоды в оппозиции тепло – холод в зависимости противопоставления юг – север, также как монг. хол. Значение в монг. хоймор “почетная сторона юрты (противоположная сторона двери)”, очевидно, передает некий ритуал первых переселенцев, отражающий пережитую ими трагедию, следствием которой был их исход с прежних мест. Данный ритуал, в очевидности, представлял собой некую философию восприятия жизни, усугубленную происшедшими с ними переменами. На это указывает монг. хойт во всех сопутствующих ему значениях в выражении понятия “на севере, где теперь их будущее” (на данное обстоятельство указывает морфологический показатель со значением обладания тем, что выражается основой), что очерчивают следующие термины: монг. хойт эх “мачеха”, хойт эцэг “отчим”, ср. монг. хойт жил “следующий год; в будущем году”, также ср. бур. хойто наһан “загробная (букв. будущая) жизнь (по суеверным представлениям христиан)” (БРС 578) (которое предполагает, что монголы, как один из представителей так называемых алтайских народов, с незапамятных времен были знакомы с основными постулатами христианства). Монг. хоёрто - < *qo, i, r, ta, - ta - < - da – аффикс применения, “раздваиваться, оказываться двойственным” указывает на то, что монг. *qojaг “два” изначально не несло в себе значения числительного два в выражении понятия количества, а отражало понятие личного местоимения ед. ч. “я” в восприятии дома как семьи, круга любимых им и любящих его лиц. Очевидно, изначально понятие *qo выражало понятие “я + ты” в восприятии единства оппозиции “супруг” и “супруга” как пары, возмочно, неся в себе некий отгосок этого понятия древнего человека в раскладе понимания понятия “жизнь” (возмочно отсюда восприятие древним человеком числительных в ряду их четности и нечетности, четный

ряд был сопряжен с пониманием жизни, нечетный ряд - смерти), что сохранилось в виде слепка в следующих значениях *qoŋ: в знач. союза и, да, например, монг. чи бид хоер "мы с тобой, ты да я", евгэн эмгэн хоер "старик и старуха", арьс яс хоер "кожа да кости". Значение "север" в основе - понятия *qo вторично (данная основа - понятие первоначально очерчивало тот пласт лексики древнего человека, который был связан с понятием "быть тем, что вызывает смерть, уничтожает, опустошает, ликвидирует что-либо в пространстве и во времени, защищая"), изначально в монгольских языках понятие "север" передавалось через лексему - понятие *ага, см. бур. ара "1. 1) задняя (или теневая) сторона; северная сторона (горы); 2) зад, спина; север; 2. атр. задний, тыльный; северный; 3. в форме арада а) в значении наречия за спиной, за глаза; арада хэлэ - "говорить за глаза"; б) послелог с род. п. за, позади; хамагай арада "позади всех", отсюда монг. арат, бур. арад "народ". Монг. хойт во всех своих значениях утверждает тот факт, что "ледниковый" период в истории древнего человека отмечался дважды, и повсеместное похолодание шло опять же со стороны Антарктики, что зарегистрировано в значении 4) "на родину, домой, к своим". Т.е. после 1 периода древний человек все же вернулся к своему прежнему месту обитания, но с началом 2 периода он опять был вынужден переселяться дальше на север, см. значения монг. хол < *qola, особенно значение 2), которое объясняет, см. также значение 5) в бур. холо "с исх. п. или без него употр. для выражения превосходной степени гораздо, намного, значительно, несравненно", преимущества переселения в направлении чем дальше, тем лучше, но при этом не затрагивает понимания хорошо, связанного исключительно с прежним (исконным) местом обитания древнего человека. В монгольских языках для обозначения юга, южной стороны используется следующий ряд: өмнө, өмнө зүг, өмнөд, связано с понятием того, что впереди, урд, которое имеет еще подзначения перед, передняя (или лицевая) сторона; лицо у людей; южный; передний; предыдущий; прежде, раньше, также см. Тодаева 183 өвөр, ебер, ебүг. Южный склон, южная сторона; 2. Южный, Тодаева 269 еңер, еңгер, еңдгер "южная сторона; южный склон (горы и т.д.)", последнее имеет еще и подзначение "лацканы, борта (у одежды)" Данное обстоятельство подчеркивает исключительную память древнего человека, предполагая рассмотрение памяти как проявление своеобразного рефлекса на уровне психофизиологического восприятия мира

древним *homo sapiens*, ломая основные представления современного человека о том, что же такое память и потомки. В связи с данным положением можно предположить, что древнему человеку еще во мгле вечности было знакомо некое средство, с помощью которого была возможна передача информации как некой совокупности знаний последующим векам. Этим средством могли быть как исключительный интеллект древнего человека так и ни много, ни мало письменность. Тюркские параллели, безусловно, восходят к монгольским языкам в порядке заимствований, что подтверждает кирг. форма в значении 1), которая непосредственно восходит к калмыцкому языку, отражая их исторически засвидетельствованные контакты, причем данные контакты с наибольшей глубиной отразились на киргизах, что выразилось в создании ими эпического сказания "Манас". См. N. Porre TLM 41, который тюрко-монгольские параллели считал генетически родственными, также см. Г. Дерфер III №1361, который монгольский ряд считал тюркизмами, возводя к тюрк. *qo – "соединять", но не засвидетельствованному ни в одном из тюркских языков, также см. Дж. Клосон 670, СИГТЯ 491 – 492. A. Rona-Tas TE высказывал предположение о тохарском источнике тюркского слова. Однако монгольское происхождение для указанного ряда безусловно и не подлежит сомнению.

10. Калм. чачр "шатер", Позднеев 242 цачир "зонт на кровле дома, палатка, балаган, беседка, шалаш", Рамстедт 437 tšatšr, tšätšr₀ "открытая палатка, палатка из полотняных стен", монг. цацар "шатер", Голстунский 352 čačar, čačir "шатер, палатка (открытые)" < čatir. Ср. ДТС 142 čatir "шатер, палатка (Махмуд Кашгарский – 11в.)", 135 čačir (МК – 11в.), 141 čašir (МК – 11в.) "шатер, палатка", формы которых засвидетельствовали фонетические сдвиги, происходившие в фонетической системе монгольских языков: ti > či, či > ši, подтверждая тем самым монгольский источник происхождения указанной реалии. В современных тюркских языках рассматриваемая лексема зарегистрирована в тат. чатыр, кум. чатыр, каз., ног. шатыр "шатер, палатка", уйг. чедир, турк. ча:дыр "палатка, шатер", тур. čadir "шатер; кибитка; юрта; палатка", долгота в турк. может быть факультативной; из первоначальной монгольской формы čatir > *čatir, фиксируя еще слышимый пограничный маркер. М. Рясянен 101, Дж. Клосон 403, К. Менгес ВЭ 182, прим. 294, Ge 707 для рассматриваемого слова видят иранский источник, восходящий к древнеиндийскому. См. также СИГТЯ 497 – 498.

Однако этимология $\text{čajtir (i)} > *čatir (i)$ возможно, следующая: $-ti > -či$ – аффикс продолжительности, $-ri$ – аффикс со значением места совершения действия $< * -raĭ, < * -čai -$ ”, быть по ту сторону, на той стороне, т.е. данная реалия, очевидно, изначально содержало понятие “место, в котором пребываешь отсутствуя, будучи по ту сторону” и, вероятно, представляла собой некий открытый павильон.

Из 10 наименований разновидностей жилья 2 наименования относятся к собственно калмыцким заимствованиям: 3 жолм “жоломейка” $<$ кир.; 1 банаг “палатка” $<$ кит. – тиб.

5 наименований являются источником заимствования в тюркских языках: 4 majqan “палатка”, распространен в ряде тюркских языков, имея зонально–ограниченный характер; 6 $*orgegen$ “ставка”, монголизм, засвидетельствованный еще в древнетюркском; 8 $*qarsi$ “дворец”, монголизм, также отмечающийся в древнетюркском; 9. qosi “вторая юрта при главной, монголизм, не регистрирующийся в древнетюркском; 10 $*čatir$ “шатер”, возможно монголизм, отмечается в древнетюркском.

Одно наименование: 7 $*uġiča$ “хижина, лачуга” источник заимствования в тунгусо–маньчжурских языках.

Таким образом, наименования разновидностей жилища в монгольских языках свидетельствуют о былом влиянии монгольских племен на тюркские, корни которых уходят к гуннам, сяньбийцам, жужаням, к тем представителям монгольских племен, которые канули в вечности, однако оставшись в Большой истории человеческой цивилизации. Древнетюркский язык, засвидетельствовав в своей лексической системе глубину данного влияния, остается на сегодняшний день единственным свидетелем высочайшего уровня развития предков нынешних представителей монгольских народов.

Цитированная литература

1. Башкирско-русский словарь. М., 1958
2. Бурятско-русский словарь. М., 1973
3. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. С.- Петербург. Т. 1, 1895. Т. 2, 1894. Т. 3, 1893
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969
5. Калмыцко-русский словарь. М., 1977
6. Каракалпакско-русский словарь. М., 1967
7. Киргизско-русский словарь. М., 1965

8. Кумыкско-русский словарь. М., 1967
9. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979
10. Монгольско-русский словарь. М., 1957
11. Ногайско-русский словарь. М., 1963
12. Позднеев А.М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. С.-Пб., 1911
13. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.- Л., 1937
14. Рассадин В.И. Монгольско-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980
15. Русско-казахский словарь. Алма-Ата. Т. 1-2, 1917-1978
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1, 1974
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. Л., 1975-1977
19. Татарско-русский словарь. М., 1966
20. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М., 1981
21. Тувинско-русский словарь. М., 1968
22. Турецко-русский словарь. М., 1977
23. Узбекско-русский словарь. М., 1959
24. Хакасско-русский словарь. М., 1953
25. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг, II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988
26. Clauanson G. Etymological Dictionary of Pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972
27. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965, Band 2, Wiesbaden, 1967, Band 3
28. Lessing F.D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley, 1960
29. Menges K. Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkestan. Mainz, 1955
30. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960
31. Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935
32. Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkesprachen. Helsinki, 1969